

Его любимый внук, на которого он потратил столько сил, в одночасье исчез. Он не хотел в это верить, но факты были неумолимы.

Линь Хэчэн счел этот вопрос странным. Хотя старший племянник и был немного растерян, он явно оставался старшим племянником. Разве он мог быть кем-то другим? Он уже хотел заговорить, но его запястье было резко схвачено Линь Данем.

Линь Дань сжал губы, его глаза покраснели, но голос был твердым и серьезным:

— Дедушка, я — Линь Дань, седьмой сын Линь.

— Линь... седьмой сын?

Даже если она и ожидала этого, жена старшего дяди Линь не смогла сдержать слез.

Линь Дань глубоко вздохнул. Он и не планировал скрывать, просто не знал, как начать. Но теперь, когда все так сложилось, он решил разом все выложить:

— Я не знаю, что случилось с братом. Я — сын Линь Хэчэна и Чжо Байвэй.

Старший дядя Линь тоже покраснел.

Дедушка Линь все еще держался и спросил:

— Тогда скажи, сколько тебе лет и почему ты носишь имя твоего брата?

— Мне восемнадцать, дедушка. Мое имя дал старший дядя, сказав, что я похож на брата, и мы родились в один день... Я никогда не видел брата, только слышал, что он умер в пятнадцать лет.

Он не обращал внимания на реакцию остальных, глядя прямо на дедушку Линь:

— Дедушка, когда мне было десять, старший дядя умер, и вы тоже скончались от горя; в двенадцать умерли второй и третий дяди; в тринадцать — второй, третий и шестой братья; в четырнадцать — пятый брат; в пятнадцать — мой отец. В семье Линь остался только я, мужчина.

Пятнадцатилетний юноша, ничего не знающий, избалованный и привыкший только к неприятностям, вынужден был взвалить на себя ответственность за семью, окруженную врагами. Тяготы, через которые он прошел, невозможно представить. Линь Дань тоже не был без чувств.

Все остальные были шокированы его словами, только Линь Хэчэн, с его простодушием, спросил:

— Почему я не умер вместе с братьями, а оказался позже, чем племянники?

Линь Дань усмехнулся:

— Потому что из всей семьи мы с отцом были самыми никчемными. Вы, дедушка, возлагали все надежды на старшего дядю и брата, поэтому враги сначала убили их. Мы с отцом, как намеренно воспитанные вами повесы, ничего не знали и поэтому прожили дольше. Смешно, что мы даже пытались выяснить, кто из семьи Шан довел нас до такого состояния?

Все молчали. Воспитание младшего сына как неудачника было почти традицией среди знатных семей.

Во-первых, на их уровне положения было невозможно не иметь каких-либо компроматов. Конечно, все старались держать свои секреты в тайне, но ничто не могло укрыться от глаз врагов. Если бы хоть что-то было раскрыто, разжалование и ссылка были бы неизбежны. Лучше уж с самого начала воспитать неудачника, который постоянно совершает мелкие ошибки, чтобы даже если враги нападут, это было бы лишь «незначительным промахом».

Во-вторых, такие, как Линь Хэчэн, который был поздним ребенком, были очень любимы, и их баловали во всем. Ведь наследник уже был в лице старшего брата, так что младший мог быть неудачником без особых последствий. Никто не собирался его строго воспитывать.

Однако никто никогда не спрашивал мнения Линь Хэчэна, и никто не спрашивал мнения Линь Даня.

Три года тяжелой работы, несколько месяцев, проведенных в теле брата, и сегодня Линь Дань наконец взорвался. Он не кричал, просто сидел с холодным выражением лица, что даже старший дядя Линь почувствовал страх.

— Кто именно из семьи Шан хотел уничтожить нашу семью, дедушка, вероятно, знает лучше всех, так что я не буду вмешиваться. Что касается будущего семьи, я, как повеса, знаю не много, но уже все подготовил и скоро отправлю через А Чжу.

Он встал, опираясь на трость, и слегка поклонился:

— Даос Юй скоро придет на урок, я пойду.

Даже дедушка Линь не ожидал, что вызов Линь Даня приведет к такому результату. Долгое время он молчал, прежде чем выдохнуть:

— Наша семья Линь... полностью уничтожена?

Линь Хэчэн, как наименее затронутый, просто удивленно спросил:

— Разве не остался Даньдань?

— Если бы Даньдань не умер, как бы он мог проснуться в теле старшего сына?

Хотя Линь Дань и не упомянул этого, дедушка Линь все понял. Он посмотрел на своего младшего сына с внезапным озарением, хлопнул по столу и встал со стула, сделав несколько шагов к нему:

— Даньдань прав! Если они даже не оставили ни одного мужчины в нашей семье, зачем я вообще разрушал будущее своих сыновей и внуков?! Седьмой, сегодня, нет, прямо сейчас иди с Даньданем на урок к даосу Юю!

Линь Хэчэн был в полном замешательстве:

— Папа, даже если внук тебя отчитал, не надо так злиться! Кто знает, правду ли сказал Даньдань? Ты же министр чинов, и хотя мы не главная ветвь семьи, но ведь и родственники не умерли, да и семьи жен братьев тоже не слабые, как мы могли оказаться в положении, где все мужчины погибли?

Главное, чтобы это не коснулось его, он ведь сейчас наслаждался жизнью, зарабатывая деньги, наблюдая, как они растут, и не касаясь книг уже много лет!

Дедушка Линь остановился, но не потому, что его убедили, а потому, что он понял:

— Ты прав, есть еще главная ветвь семьи! Императорская семья всегда стремится к балансу, и хотя мы — боковая ветвь, для императора мы все равно Линь. Главная ветвь, конечно, знала об этом, и за эти годы, вероятно, накопила немало обиды на меня. Глава главной ветви уже много лет топчется на месте, не получая повышения, и, вероятно, винит в этом меня.

Он снова зашагал по комнате, подошел к Линь Хэчэну и похлопал его по плечу:

— Хорошо, седьмой, ты смог это понять, значит, я зря тебя недооценивал. Ничего, тебе всего восемнадцать, учиться еще не поздно, в нашей семье столько цзиньши, седьмой, чем ты хуже их? Покажи свои способности в зарабатывании денег, возможно, именно ты станешь опорой нашей семьи в будущем!

Линь Хэчэн:

— Папа, что я вообще сказал? Что вы поняли? Зарабатывать деньги и учиться — это разные вещи, пусть братья учатся, а я буду зарабатывать, хорошо?

Старший дядя Линь тоже был в замешательстве. Сын — не сын, и его будущее не сулит ничего хорошего, такие новости были слишком шокирующими:

— Папа, не принимайте решений сгоряча, седьмой не способен к учебе, вы же знаете...

— Это ты его избаловал!

Дедушка Линь включил режим диктатора:

— Решено, седьмой, иди учиться. Если не выучишься, я буду тебя наказывать при твоей жене!

Черт возьми! Это было слишком жестоко! Старший дядя Линь понимал, что если бы его отец и мать наказывали его при жене, это было бы хуже смерти.

Однако толщина кожи Линь Хэчэна была невероятной, он просто сморщил губы:

— Фи, будут бить по ладоням, значит будут. У меня пока нет жены.

Бабушка Линь холодно усмехнулась:

— Девушка Чжо — дочь только что назначенного уездного начальника, и, говорят, у нее много женихов. Интересно, выберут ли они такого неуча, как ты, которого будут наказывать за неудачи в учебе.

Черт возьми! Методы матери были еще жестче! Старший дядя Линь был поражен и поспешил заявить о своей преданности:

— Папа, мама, не волнуйтесь. Пока я здесь, семья Линь не пострадает.

— Ты здесь ни на что не годишься! Первым тебя и убьют!

Дедушка Линь не стал щадить старшего сына, но затем задумался:

— Подожди, если старший сын умер, почему ты не грустишь?

Старший дядя Линь, как и младший брат, был простодушен:

— Нет нужды. Теперь седьмой сын в теле старшего, и когда седьмой женится на девушке Чжо, родится новый старший сын. Разве он снова вернется обратно?

Все в комнате посмотрели на потолок, внезапно почувствовав, что старший брат прав. Что с этим делать?

Жена старшего дяди Линь невольно продолжила его мысль:

— Но если он вернется обратно, как мы будем сватать старшего сына? Иначе будет путаница.

Старший дядя Линь погрузился в глубокие размышления:

— Но старшему сыну уже пятнадцать, разве можно его так оставить?

<http://bllate.org/book/17701/1652654>